

На правах рукописи

ГРИБОВСКАЯ Наталья Юрьевна

ЛЕКСИКА ТВЕРСКИХ ГОВОРОВ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА
(СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2019

Работа выполнена на кафедре русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Научный руководитель –

Новикова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Официальные оппоненты:

Мызников Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Словарным отделом ФГУН «Институт лингвистических исследований РАН».

Черенкова Анна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет».

Ведущая организация –

ФГБУН «Институт славяноведения РАН».

Защита состоится «___» _____ 2019 г. в ___ час. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, учёному секретарю диссертационного совета Д 212.263.03.

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

П.Е. Карташова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено семантико-мотивационному анализу тверской диалектной лексики, характеризующей человека. Обращение к диалектному материалу дает возможность исследователю получить информацию о традиционных представлениях как наиболее устойчивой, консервативной части национального менталитета, составляющей основу современного мировоззрения.

Показательным в отношении языковых представлений о человеке можно считать набор семантических сфер, привлекаемых для его характеристики, а также объяснение мотивов конкретных номинаций. Удобной структурой для лингвистического анализа является лексико-семантическое поле, организация которого содержит данные о языковом образе действительности. Параметрами изучения семантического уровня, позволяющими сделать выводы о культурной специфике определенной семантической сферы, являются логика выделения смысловых участков, определение их объема и места в структуре поля.

Также культурным значением обладает мотивация языковых единиц, которая содержит информацию о способе видения мира носителем языка, связывающим между собой различные реалии. Поиск лексической мотивации слова дает возможность выйти на уровень духовной культуры, поскольку предполагает обращение как к языковым категориям, так и к экстралингвистической действительности, в которой функционирует язык. Нахождение производящей лексемы и выявление мотивационного признака, лежащего в основе номинации, содержит важную культурную информацию, поэтому мотивационный анализ занимает особое место в этнолингвистических исследованиях. «Картина мира находит отражение уже в самом факте именованного того или иного объекта действительности отдельным языковым знаком.... гораздо больше информации о мире (ментальном и реальном) может быть извлечено при обращении собственно к мотивам номинации, то есть к вопросу, почему тот или иной признак выбран в качестве основы номинации» [Толстая 2002].

Семантико-мотивационным отношениям в диалектной лексике различных семантических сфер посвящены работы Е.Л. Березович, Е.О. Борисовой, А.А. Едалиной, М.А. Ереминой, Т.В. Леонтьевой, С.А. Мельниковой, М.Э. Рут и др.

Объектом реферируемого диссертационного исследования является лексика тверских говоров, характеризующая человека по его внешним и внутренним качествам. **Предмет** исследования – семантические и мотивационные особенности тверской диалектной лексики, входящей в лексико-семантическое поле «Человек».

Образ человека на основе языковых данных разных уровней реконструировал Ю.Д. Апресян [Апресян 1995]; исследователи рассматривали этот важнейший фрагмент ЯКМ сквозь призму метафоры [Арутюнова 1999], с позиций фразеологии [Телия 1996], словообразования [Вендина 2000] и

лексикографии [Караулов 1976; Степанов 2004; Богуславский 1994], лингвокультурологии [Верещагин, Костомаров 2005; Постовалова 1998; Карасик 2002] и этнолингвистики [Березович 1999, 2007; Леонтьева 2003, 2008]. В последнее время лексико-семантическое поле «Человек» активно разрабатывается в диалектной лексикологии. Так, Е.А. Еремина рассматривает структуру и наполнение лексико-семантического поля «Отношение человека к труду» в русских народных говорах и выявляет его специфику по сравнению с литературным языком [Еремина 2003], а также исследует данное поле в семантическом и мотивационном аспекте [Еремина 2014]; С.А. Толстик анализирует эволюцию концепта «худой» в русском литературном языке и в народных говорах [Толстик 2004]; Н.А. Лукьянова проводит семантический анализ отдельной лексико-семантической группы диалектной системы («человек ленивый»), относящейся к лексико-семантическому полю «Характеристика человека» [Лукьянова 1985]; монография Т.В. Леонтьевой посвящена этнолингвистической интерпретации диалектной лексики, выражающей идею социальной регуляции поведения человека [Леонтьева 2013].

Лексико-семантическое поле «Человек» активно исследуется на материале различных говоров: вологодских [Урманчеева 2003]; тамбовских [Нивина 2003]; тульских [Красовская 2009]; ярославских [Ховрина 2006, Гурская 2010]; брянских [Седойкина 2011]; воронежских [Литвинова 2011]; орловских [Бахвалова 1993, 1995, 1996]; кубанских [Каде, Пономаренко 1998]; мологских говоров [Гапонова 2006, 2008]; говоров Ивановской области [Шулякина 2014] и др.

В тверских говорах лексика, номинирующая человека, практически не становилась предметом специального изучения. Исследованию наименований лиц западных среднерусских говоров посвящена диссертационная работа М.Е. Щербаковой [Щербакова 2006], однако автор проводит анализ лексики не в семантическом, а в словообразовательном аспекте, выявляя наиболее продуктивные суффиксы существительных со значением лица. Между тем накопленный богатый лексический материал является основой для попытки реконструкции языкового образа человека как одного из центральных фрагментов тверской региональной языковой картины мира.

Целью настоящей работы является выявление семантико-мотивационного своеобразия лексических единиц, репрезентирующих человека в тверских говорах, что дает возможность охарактеризовать этнокультурную специфику представлений тверских диалектоносителей о различных свойствах и качествах человека.

Для достижения данной цели предполагается решение следующих **задач**:

- провести сбор тверской диалектной лексики, характеризующей человека по его внешности и по внутренним качествам;
- установить количественный состав лексико-семантического поля «Человек» и изучить его вертикальную организацию, выявив входящие в его состав микрополя и определив их объем и наполнение;

– изучить горизонтальную организацию микрополей, входящих в состав лексико-семантического поля «Человек», выявив лексемно-полисеманты и слова с диффузным значением, образующие зоны пересечения смежных микрополей;

– выявить мотивационные модели, лежащие в основе лексем, составляющих семантические микрополя;

– на основе полученной информации сделать выводы о специфике языкового воплощения представлений о человеке в говорах Тверской области.

Основными **методами** исследования являются *описательный метод*, включающий в себя приемы наблюдения, обобщения, классификации и интерпретации языкового материала, а также *метод реконструкции семантического поля* как фрагмента языковой картины мира. Сбор диалектного материала для наполнения семантического поля проводился *методом сплошной выборки* из лексикографических источников и картотеки. Для определения структурно-семантических и мотивационных особенностей поля использовался метод *компонентного анализа* семантики диалектных слов (сопоставление словарных дефиниций, выявление интегральных и дифференциальных сем). Специфика работы с диалектной лексикой, когда не всегда можно быть уверенным в адекватном отражении значения слова в словаре, обусловила применение также *контекстного анализа*. Определение объема семантического поля, а также уровня номинативной плотности различных сегментов (микрополей) в его составе проводилось посредством *метода количественного подсчета*.

Методологическую базу диссертационного исследования составили работы, посвященные проблемам лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.Д. Шмелев и др.), этнолингвистики (А.С. Герд, Т.И. Вендина, Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьева, М.Э. Рут, С.М. Толстая и др.), лексико-семантического поля (Ю.Н. Караулов, Л.А. Новиков, А.А. Уфимцева, С.Г. Шафиков, Г.С. Щур и др.), мотивологии (О.И. Блинова).

Материалом для исследования послужила лексика тверских говоров второй половины XX – начала XXI в. (1807 существительных и прилагательных, характеризующих человека). Основными **источниками** материала являются диалектные словари: «Селигер: Материалы по русской диалектологии», продолжающееся издание, изданное в семи выпусках с 2003 по 2017 год [Селигер], и «Тематический словарь говоров Тверской области», пять выпусков которого было подготовлено и издано с 2002 по 2006 год [ТС] (одним из составителей словаря является автор настоящего исследования). Помимо опубликованных диалектных словарей, использовалась лексическая картотека говоров Тверской области [КГТО], составленная на основе полевых записей диалектологических экспедиций, работавших в последние десятилетия по программе «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛЯРНГ) на территории Тверской области (картотека хранится на кафедре русского языка Тверского государственного университета). В диалектологических экспедициях

ТвГУ (2005–2009 гг.) принимала участие и автор работы. Для проведения семантического и мотивационного анализа привлекались данные «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль], сводного диалектного словаря русского языка («Словарь русских народных говоров» [СРНГ]), словарей современного русского литературного языка («Словарь современного русского литературного языка» [БАС], «Большой толковый словарь русского языка» [БТСРЯ], «Словарь русского языка» [МАС], «Толковый словарь русского языка» [Шведова]), этимологических словарей («Этимологический словарь русского языка» [Фасмер], «Краткий этимологический словарь русского языка» [КЭСРЯ]). В качестве иллюстративного материала к выводам, сделанным в ходе семантико-мотивационного анализа диалектной лексики, использовались паремиологические данные – пословицы и поговорки, бытующие в Тверской области и записанные преподавателями и студентами Тверского государственного университета во время научных экспедиций в период 1970—1990 годов [Тверские пословицы и поговорки 1993].

Названные задачи и принципы анализа определили структуру работы, которая состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего в себя 216 научных и 15 лексикографических источников.

Актуальность диссертационной работы состоит в том, что в ней на материале тверских говоров осуществляется характеристика фрагмента диалектной языковой картины мира, который отражает важнейший с точки зрения народной аксиологии комплекс нормативно-ценностных представлений о человеке.

В работе впервые проведен семантико-мотивационный анализ обширного пласта тверской диалектной лексики, характеризующей человека, в результате которого были сделаны выводы о специфике народных представлений о человеке, воплощенных в лексической системе тверских говоров, что составляет **научную новизну** диссертационного исследования. Кроме того, в научный оборот вводится новый лексический материал, в том числе из неопубликованных полевых источников.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что в ней выявляется семантическая и мотивационная специфика современной тверской диалектной лексики, характеризующей человека. Апробированные в работе принципы структурирования и мотивационной интерпретации лексико-семантического поля «Характеристика человека» могут быть применены к другим семантическим объединениям слов.

Практическая значимость работы состоит в том, что представленный языковой материал и результаты его анализа могут быть использованы в вузовских курсах по русской диалектологии и лексикологии, спецкурсах по этнолингвистике и ономазиологии, а также могут быть полезны в практике составления толковых диалектных словарей.

Достоверность результатов исследования обеспечивается репрезентативным по объему и содержанию лексическим материалом (более 1800 лексических единиц), привлечением трудов по диалектной лексикологии,

мотивологии, этимологии, семантике, связанных с проблематикой исследования, а также выбором методик анализа, адекватных поставленной цели лингвокультурной интерпретации значимого фрагмента тверской региональной картины мира.

На защиту вынесены следующие положения.

1. Исследуемая лексика формирует важный фрагмент диалектной картины мира, связанный с представлениями о человеке, отражая жизненные приоритеты диалектоносителей. Семантическое пространство, создаваемое тверскими диалектными лексемами, характеризующими человека, отличается высокой степенью детализации человеческих свойств и качеств.

2. Изучение вертикальной организации лексико-семантического поля «Человек» позволяет выделить в его составе два лексико-семантических множества, отражающих 1) характеристику человека по его внешности и 2) характеристику человека по его внутренним качествам. Дальнейшая систематизация лексики по микрополям, входящим в состав названных множеств, наглядно демонстрирует основные параметры оценки человека и степень их значимости в представлении диалектоносителей.

3. Большая часть микрополей образует бинарные оппозиции в соответствии с наличием отрицательных и положительных характеристик качеств человека, с преобладанием лексических множеств, содержащих отрицательную оценку. В асимметричной организации микрополей по оценочному признаку скрыто содержится образ идеального человека, поскольку языковую маркированность в диалекте получают свойства и качества, отклоняющиеся от нормы.

4. Изучение горизонтальной организации микрополей, входящих в состав лексико-семантического поля «Человек», позволяет выявить зоны пересечения, образованные многозначными лексемами и лексемами с диффузным значением, свидетельствующие о смежности соответствующих понятий в представлении диалектоносителей.

5. Внутренняя форма номинаций, отрицательно характеризующих человека, содержит сквозные мотивы неприятных ощущений, чуждости, непохожести на людей, отделения от коллектива, воплощая идею антинормы.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования представлены в виде докладов на международных научных конференциях «Роль русского языка в формировании российского менталитета» (Тверь, 2007), «Ономастика Поволжья» (Тверь, 2014), «Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура» (Москва, 2018), межвузовских научно-практических конференциях «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 2006), «Русский язык в современном мире» (Смоленск, 2015) на XXXV Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров – 2019» (Санкт-Петербург, 2019). По теме исследования опубликовано 11 статей общим объемом 4,7 п.л., из них 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и образования РФ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются источники материала, называются основные методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации работы

Первая глава «Теоретические основы изучения лексики, характеризующей человека, в говорах Тверской области» содержит обобщение и анализ основных научных позиций, связанных с проблематикой работы.

Раздел 1.1 посвящен истории изучения тверских говоров: в нем описаны все этапы изучения тверской диалектной лексики и названы основные научные труды, связанные с каждым из этапов. Тверская область, отличаясь пестротой и сложностью лингвистического ландшафта, всегда привлекала к себе внимание диалектологов. За более чем двухсотлетнюю историю изучения были обследованы практически все районы области и накоплен богатый диалектный материал. Диалектная лексика Тверской области изучалась в различных аспектах. Большое внимание уделялось фонетическим и словообразовательным особенностям тверских говоров, однако в семантическом аспекте тверская диалектная лексика до сих пор остается малоизученной. Между тем современные тенденции в отечественном языкознании, связанные с попытками реконструкции различных фрагментов языковой картины мира, делают такое исследование актуальным и своевременным.

В **разделе 1.2** рассматривается диалектная картина мира как важнейшая составляющая общенациональной картины мира. В большинстве научных работ, посвященных языковой картине мира (ЯКМ), содержится основная идея о различии ЯКМ разных народов, отражающем национальный характер и мировоззрение и проявляющемся на разных уровнях языка, особенно в его лексическом составе. Различными являются не только общенациональные языковые картины мира, но и формы их реализации, существующие в пределах одного языка, из которых наиболее значимой для любого этноса является диалектная картина мира. Исследуя диалектную картину мира, О.А. Радченко и Н.А. Закуткина отмечают, что она «отличается от общеязыковой своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией, однако служит своего рода субстратом для картины мира общеупотребительного языка» [Радченко, Закуткина 2004]. Исследователи называют такие свойства диалектной картины мира, как антропоцентричность, аксиологичность, универсальность и уникальность.

Диалектная языковая картина мира (ДЯКМ) в нашем понимании – это совокупность народных представлений о мире, зафиксированная в русских

народных говорах. В состав ДЯКМ входят более мелкие фрагменты – региональные языковые картины мира, которые соотносятся исследователями с отдельными говорами или группами говоров.

Изучению различных аспектов диалектной картины мира посвящены исследования Е.Л. Березович, Т.И. Вендиной, Н.С. Ганцовской, К.И. Демидовой, Л.А. Климковой, Н.А. Красовской, М.Э. Рут, Т.К. Ховриной и др. Анализ работ, посвященных изучению различных аспектов диалектной картины мира, показывает, что специфика результатов народного миропонимания может передаваться такими языковыми средствами и их свойствами, как значение слова, структура многозначного слова, внутренняя форма слова, особенности синонимических и антонимических отношений, деривационные связи слов, а также взаимосвязи слов в составе семантических полей.

Лексико-семантическому полю (ЛСП), реконструкция которого является одним из наиболее перспективных способов изучения фрагментов языковой картины мира, посвящен *раздел 1.3*. Сегодня понятие лексико-семантического поля является одним из основных в лексической семантике. В нашем исследовании мы опираемся на положения полевой концепции в изложении И.А. Стернина [Стернин 2001], понимая под ЛСП совокупность слов, имеющих общий (родовой) лексико-семантический признак, которая отражает в языке определенную понятийную сферу. ЛСП организовано иерархически, оно «образуется из составных частей – микрополей» и «имеет горизонтальную и вертикальную организацию» [Стернин 1985]. Под вертикальной организацией понимается структура микрополей, а под горизонтальной – их взаимоотношения.

В процессе исследования вертикальной структуры ЛСП в его составе выявлены микрополя различного порядка, и определена их иерархическая организация. Количество лексических единиц в составе микрополей (объем или номинативная плотность) является одним из показателей наиболее актуальных и значимых фрагментов языковой картины мира диалектоносителей (ее внутреннего и внешнего уровней), поскольку «трудно отрицать значимость определенного круга значений, если носитель языка вновь и вновь возвращается к их лексической разработке» [Березович 2007]. Высокая номинативная плотность, т.е. тщательная разработка того или иного сегмента поля может сигнализировать о наиболее актуальных для языкового сознания понятиях: «то, что существенно, оказывается названным, или многократно названным, или названным “дробно”, с учетом предельного внимания к деталям хорошо знакомого и имеющего высокую значимость объекта» [Леонтьева 2008].

При изучении горизонтальной организации поля мы исходим из того, что микрополя в составе ЛСП могут взаимодействовать и пересекаться, они «отчасти накладываются друг на друга, образуя законы постепенных переходов, что является законом полевой организации системы языка» [Стернин 1985]. Выявление и анализ полисемантических слов и слов с

диффузным значением, в семантике которых объединяются смыслы, принадлежащие различным микрополям, представляет интерес для исследования, поскольку образованные ими зоны наложения, пересечения микрополей могут свидетельствовать о близости соответствующих понятий в народном представлении.

При попытке реконструкции региональной языковой картины мира наряду со структурно-семантическим анализом поля представляется важным исследование поля в мотивационном плане. О возможности интерпретации языкового сознания носителей языка через выявление мотивировочных признаков, т.е. признаков, положенных в основу номинации, пишут многие исследователи (О.И. Блинова, Т.И. Вендина, К.И. Демидова, О.А. Корнилов, С.М. Толстая, Е.Л. Березович и др.), полагающие, что за мотивом номинации всегда стоит этнокультурный контекст восприятия и оценки человека. «Обращение к внутренней форме слова дает исследователю уникальную возможность – проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир, и понять, как это слово “читается” изнутри» [Вендина 2007].

В ходе мотивационного анализа в реферируемой диссертации использованы термины *мотивация*, *мотивировочный признак*, *мотиватор* (*лексический, семантический, структурный*), в опоре на терминологический аппарат мотивологии, разработанный О.И. Блиновой [Блинова 2010]. Наряду с термином *мотивировочный признак* использован термин *мотив*, под которым понимается «импульс, побуждающий человека мыслить одно понятие через другое», т.е. «осознание человеком сходства между объектами или установление между ними другой логической связи» [Леонтьева 2013]. Как отмечает Т.В. Леонтьева, исследование семантического поля в мотивационном аспекте предполагает выявление мотивов с разной степенью абстракции – частный мотив, сквозной мотив и мотивационная доминанта [Леонтьева 2008, 2013].

Таким образом, исследование лексико-семантического поля «Характеристика человека» в структурно-семантическом и мотивационном плане, т.е. описание его идеографической структуры, деление на микрополя, определение их номинативной плотности и особенностей взаимодействия, а также прояснение внутренней формы мотивированных лексем с выявлением основных мотивов их номинации позволяет сделать определенные выводы об образе человека в региональной языковой картине мира.

Вторая глава «Лексико-семантическое поле “Характеристика человека по внешним свойствам”» посвящена исследованию диалектных лексических единиц (прилагательных и существительных), номинирующих лиц по внешнему виду. Структуру лексико-семантического поля, репрезентирующего человека по внешним свойствам, образуют микрополя «Общая эстетическая оценка», «Телосложение», «Рост», «Отличительные особенности внешности», «Одежда», «Состояние здоровья», каждое из которых последовательно рассматривается в главе в семантико-мотивационном

аспекте. Определяется их структурная организация и объем, устанавливаются зоны пересечения со смежными микрополями, выявляются актуальные мотивы номинации.

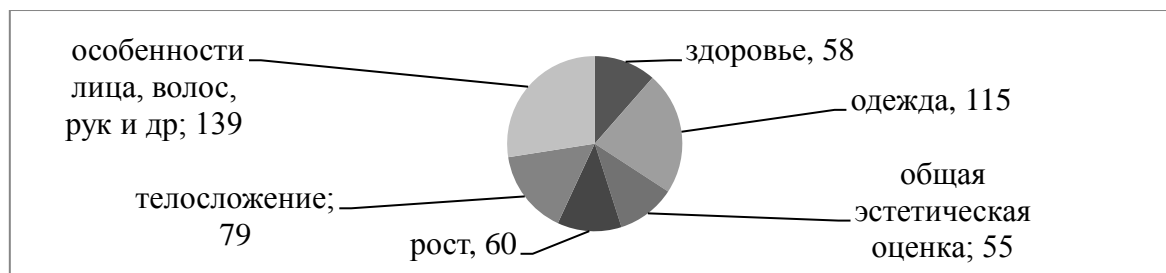

Рисунок 1 – Характеристика по внешним свойствам

В *разделе 2.1* рассматривается микрополе «Общая эстетическая оценка», включающее в себя два антонимичных микрополя низшего порядка «Красивый» (*гла́зный, миловзглядный, сли́чный...* – 31 лексема) и «Некрасивый» (*вахрю́та, грýмзала, ля́пистый...* – 24 лексем). Количественный перевес лексических единиц с положительной оценкой является нетипичным для диалектной лексики, характеризующей человека. Недостаточная разработанность в тверских говорах микрополя, репрезентирующего некрасивого человека, дает основания предположить, что отсутствие внешней красоты человека не являлось значимым в исследуемой языковой картине мира. Ср. пословицы: *Не родись красивый, а родись счастливый. С лица воду не пить. Не ищи красоты, а ищи доброты.*

Выявлены зоны пересечения микрополя «Общая эстетическая характеристика» с микрополями «Телосложение» и «Одежда». При общей эстетической оценке человека значимыми оказываются характеристика объема тела и умения одеваться. Хорошо одетый человек получает положительную эстетическую оценку внешности (*баской*), а человек в грязной одежде воспринимается как физически некрасивый (*му́рза, нестатíша, нестатíща*). Объем тела человека оценивается диалектоносителями неоднозначно. С одной стороны, полнота человека расценивается как его красота (*красу́ля, купа́ва, купавна*), с другой стороны, напротив, как ее отсутствие (*грýмзала, вахрюта*).

При анализе микрополя «Эстетическая оценка человека» в мотивационном аспекте выявлены следующие мотивационные признаки (мотивы). Мотив красоты реализован в многочисленных лексемах с корневыми морфемами *-крас-*, *-бас-*, *-раж-* (*красави́к, красу́ля, крася́вый, краса́тый, баский, баской, ражий, ражинный, ражистый...*).

Мотив удовольствия при созерцании лежит в основе ряда номинаций с прозрачной внутренней формой – *приглядный, миловзглядный, взра́чный, ви́дный, гла́зный*. Мотив любви лежит в основе номинаций *слю́бный, слюбови́тый, слюбова́тый*, рисующих образ красивого человека, которого легко полюбить. Мотив порядка находим в номинациях, мотивированных диалектным *клюдь* ('порядок') – *клюдий, укладий*, а также в образной номинации некрасивого человека – *лабазливый*. При характеристике

некрасивого человека актуальным также является мотив плохо, небрежно сделанного – *ляпистый, вахрюта, кососбитка*.

В **разделе 2.2** анализируется микрополе «Телосложение», представленное антонимичными микрополями «Толстый» (*бабу́ха, грѣмзала, жиря́к...* – 56) и «Худой» (*издо́хлица, скиля́га, охора́т, костя́ник...* – 23). Выявлены зоны пересечения микрополя «Толстый» с микрополями «Здоровый» и «Красивый», а микрополя «Худой» – с микрополями «Больной» и «Некрасивый», что является отражением народного представления о полном человеке как здоровом, сильном и красивом, а о худом, напротив, как больном, слабым и некрасивом. Однако отрицательная коннотация ряда лексем, характеризующих полного человека, а также пересечение микрополя «Толстый» с микрополями «Некрасивый» и «Нерасторопный», образованное экспрессивными лексемами с отрицательной коннотацией, показывает, что чрезмерная полнота осуждается тверским диалектоносителем, особенно если является препятствием моторной деятельности.

Раздел 2.3 посвящен микрополю характеристики человека по росту, структуру которого составляют практически равные по объему микрополя «Низкий» (*измо́рыш, кара́ндыш, ко́рный...* – 29) и «Высокий» (*выро́сток, до́лгий, жердо́гон, лесѣнина...* – 31). Симметричная разработанность микрополей позволяет говорить об отклонениях в росте в большую или меньшую сторону как о признаках внешности, имеющих равную актуальность для диалектоносителей. Зоны пересечения микрополя «Низкий» с микрополем «Больной» (*измо́рыш, опу́рыш*), а микрополя «Высокий» – с микрополем «Здоровый» (*мужланю́га, здорова́га, лоба́н*) фиксируют смысловую близость характеристики человека по росту и по состоянию здоровья в представлении диалектоносителей. Отрицательную коннотацию содержат лексемы, находящиеся в зоне пересечения микрополей «Высокий» и «Худой» (*жердь, жерди́на, жердо́гон*), отражая негативную оценку нарушенной пропорциональности телосложения человека. Зону пересечения микрополей «Высокий» и «Глупый» образуют экспрессивные субстантивы (*полѣнница, полѣнник, поленовина, сло́пень, слопеню́га...*), содержащие резкую отрицательную оценку человека, чей высокий рост сочетается с низким уровнем интеллекта. Смежность данных микрополей подтверждает и мотивационный анализ: мотив дерева является актуальным для номинаций как высокого, так и глупого человека. Ср. пословицы *Вырос как осина, а ума в полосьмина. Вырасти вырос, да ума не вынес*.

Раздел 2.4 посвящен лексике, характеризующей человека по отличительным признакам внешности. Почти половина лексем выделенного микрополя (62 лексические единицы из 139) характеризует человека по особенностям лица. Значимыми являются такие параметры, как полнота лица (*толсторы́лый, обрю́та, лабу́та, зазу́ла...*), наличие морщин (*морска́тый, морши́тый, морща́тый, морщева́тый...*) и веснушек (*конопля́ный, ольши́ный, пегач...*), а также особенности глаз (*глаза́тик, большегла́з, куро́слѣный, лубени́к, лу́па...*), губ (*губа́н, разгри́ба, гриба́н, гриба́тый...*), носа (*ломоносы́й,*

кирпáтый, кирпоно́сый, носáтиха...), лба (*лоба́тый, лоба́тик*) и зубов (*костозу́бый, карзун, карзубый...*). Доминантными в этом ряду, наиболее разработанными в тверских говорах, являются особенности глаз – 20 лексических единиц.

Кроме того значимыми внешними признаками, получившими наибольшую маркированность в языке, являются особенности волос (*белобры́ска, чернобры́сый, вохла́ч, ло́хман, курчеря́вый, кури́вый...*) и конечностей (*левши́к, лева́ч, шульга́ч, колчено́гий, колча́, кривля́к, криву́ля, курла́тый...*). Большинство лексем имеет отрицательную коннотацию, фиксируя различные отклонения от эстетического идеала человека.

В **разделе 2.5** анализируется лексика, репрезентирующая человека по состоянию здоровья. Асимметричность объема антонимичных микрополей «Больной» (*бо́лестный, кве́лый, лядáвый, мля́вый...* – 47) и «Здоровый» (*дро́бный, дюжо́й, куматный...* – 16) показывает, что физически здоровый человек воспринимается как норма, что практически не получает маркированности в языке, в то время как образ больного человека, наоборот, активно разрабатывается в говорах. Микрополе «Здоровый» представлено всего 16 лексемами, имеющими дополнительные денотативные компоненты в структуре лексических значений – «сильный», «полный», «красивый». Ядерная лексема *здоровый* не является исключением, характеризуя человека не только по состоянию здоровья, но и по полноте. Микрополе «Больной» включает в себя 47 лексических единиц, из которых 46 являются адъективами. Практически полное отсутствие субстантивов, усиливающих степень экспрессии, показывает, что носители говоров не категоричны в оценке человека, лишённого одной из главных нематериальных ценностей – здоровья.

В **разделе 2.6** рассматривается микрополе «Одежда». Исследуемое микрополе отличается внушительным объемом (115 лексических единиц), отражая значимый для диалектоносителя фрагмент языковой картины мира. Наибольшей номинативной плотностью обладает сегмент, репрезентирующий неряху, человека в грязной или рваной одежде (*ва́згáла, вазгу́н, зама́за, по́рвань, приде́риша...* – 98 лексических единиц). Подавляющее количество лексем в составе данного поля – субстантивы (93), обладающие высокой степенью экспрессии в выражении отрицательной оценки неаккуратного, неряшливо одетого человека.

Анализ лексических значений данных слов позволяет сделать вывод о смежности микрополей «Неряха», «Нерасторопный» и «Глупый» (*кулёма, фефёла, соло́ха*). В представлении диалектоносителей человек, не обладающий аккуратностью в одежде, скорее всего, не способен к качественному выполнению работы, а также не имеет значительных умственных способностей.

Образ хорошо одетого человека в тверских говорах практически не разработан: для характеристики красиво одетого человека употребляется полисемант *справный*, имеющий общее положительное значение, реализуемое контекстуально. С одной стороны, от человека требуется уделять внимание своей внешности. В этом отношении члены микрополя «Нарядный»

предположительно должны быть положительно маркированы, но это является верным лишь в отношении лексемы *срядный*, содержащей положительную оценку нарядно одетого человека. Остальные лексемы имеют отрицательную коннотацию. Чрезмерное пристрастие человека к нарядам, излишняя забота о своем внешнем виде получает неодобрение диалектоносителей. Наибольшему осуждению подвергается любящий наряжаться мужчина, о чем свидетельствует ряд субстантивов, негативно характеризующих мужчину, чрезмерно озабоченного своим гардеробом, одеждой, внешностью – *брындик*, *кёртик*, *форсу́н*, *форсуно́к*. В данных номинациях содержатся мотивы хвастовства и безделья. Так, лексическим мотиватором лексем *форсу́н* и *форсуно́к* является глагол *форсить*, т.е. ‘щеголять, хвастаться, важничать, выставлять что-либо напоказ’ [МАС 4]. Лексема *брындик* мотивирована глаголом *брындать*, употребляющимся в русских говорах в значении ‘бездельничать, мотаться без цели, без нужды; бить баклуши’ [СРНГ 2].

Анализ лексики, характеризующей человека по внешним свойствам, показал, что в диалектной картине мира актуализированы любые отклонения во внешности человека – высокий или низкий рост, полнота или худоба, отличительные природные или приобретенные физические особенности. Все, что выделяет человека из общей массы, отличает его от «среднего» человека и находит отражение в языке.

Третья глава «Характеристика человека по внутренним качествам» посвящена диалектной лексике, репрезентирующей человека по его характеру, поведению, способностям, склонностям. Структуру исследуемого лексико-семантического поля составляют микрополя «Моральные качества», «Склонность к обману», «Поведение в социуме», «Отношение к материальным ценностям», «Умственные способности», «Отношение к труду», «Эмоциональное состояние», «Речевая деятельность», «Особенности моторики», «Отношение к физиологическим потребностям», последовательно рассматриваемые в данной главе.

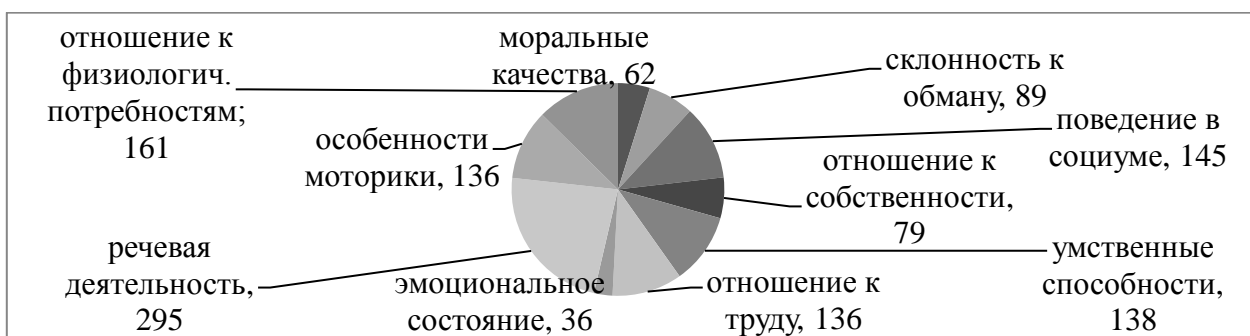

Рисунок 2 - Характеристика по внутренним качествам

Микрополе «Моральные качества» (*раздел 3.1*) включает в себя два антонимичных микрополя «Злой» (*вылюдые, зарезник, злодея, злыдень, злыдня, изродок, некрещеник, сатаник... – 43*) и «Добрый» (*жалкий, жалостник, лестивый, отхоный, радещик... – 19*). Объемы микрополей различаются

количеством представленных лексических единиц более чем в два раза. Соотношение субстантивов и адъективов в данных микрополях показательно – 36:7 в микрополе «Злой» и 6:13 в микрополе «Добрый». Данные цифры отражают представленную в диалектной языковой картине мира категоричную отрицательную оценку говорящими злого человека, нарушающего моральные нормы общества.

Микрополе «Моральные качества» не имеет четких границ с микрополями «Поведение в социуме» и «Речевая деятельность», поскольку злоба и доброта человека проявляются и в его поступках, и в речевом поведении. В значениях лексем данного микрополя помимо интегральных сем «добрый» и «злой» присутствуют дифференциальные семы, указывающие на качество или действие, которое может расцениваться как проявление доброты или злобы. *Жа́лкий* – ‘милосердный, сердобольный’, *жа́лостник* – ‘тот, кто проявляет жалость’, *раде́йщик, раде́льщик, радíвый* – ‘добрый, заботливый человек’; *отхо́ный* – ‘имеющий мягкое, незлопамятное сердце’, *пакостюшка, пакостю́шник, па́коть* – ‘шкодливый, пакостный человек’; *кавы́рза* – ‘пакостник, шалун’, *ка́верза* – ‘человек, делающий вред другим’.

При анализе диалектного материала была выявлена оценочная энантиосемия ряда лексических единиц (*мягкотелый, жалкий, лестливый, лихой, рахманный*), что объясняется во многом экстралингвистическими причинами – амбивалентностью мышления и чувств, различными аксиологическими ориентирами, позволяющими рассмотреть и оценить одно явление с различных точек зрения. Прилагательное *мягкотелый* в литературном языке употребляется в значении ‘легко поддающийся чужому влиянию, бесхарактерный’ [МАС 2] и содержит отрицательный оценочный компонент, в то время как в диалектном значении данной лексемы присутствует положительная коннотация (*Она такая мягкотелая, хорошая девочка* [Селигер 3]). Прилагательное *лестливый* имеет значение ‘ласковый’ и ‘хитрый, льстивый’. Доброта человека может быть воспринята как проявление его слабости и бесхарактерности или же льстивости и хитрости. В этом отношении уникальным является прилагательное *рахманный*. В тверских говорах лексема *рахманный* функционирует в следующих значениях: 1) ‘тихий, спокойный, смиренный, кроткий’; 2) ‘вялый, медлительный, непроторный, нерасторопный’; 3) ‘простодушный, бесхитростный, простой’; 4) ‘добрый, добродушный’; 5) ‘хилый, слабосильный, болезненный’; 6) ‘щедрый, хлебосольный’; 7) ‘бесхозяйственный, беспечный’; 8) ‘грустный’; 9) ‘неряшливый’. Можно выделить общую сему для названных значений – «не способный причинить вред». Однако в значениях данного прилагательного содержится различный оценочный компонент. Амбивалентность данной лексической единицы зависит от контекста, в котором проявляется данное свойство человека. Добрый человек, а, следовательно, щедрый, хлебосольный и гостеприимный – эти качества оцениваются положительно; однако излишняя щедрость может восприниматься как бесхозяйственность, беспечность, безалаберность, т.е. качества, осуждаемые, диалектоносителями. Кроткий,

спокойный, тихий человек оценивается со знаком плюс, однако, если излишнее спокойствие человека отражается в особенностях моторики, препятствующих выполнению работы (в медлительности и неповоротливости), оценка меняется на противоположную. Также спокойствие, кротость, неспособность причинить зло другим может происходить не от высоких моральных качеств человека, а от его слабости, что способствовало развитию у данной лексемы значения 'слабый, хилый, больной'.

В **разделе 3.2** анализируется микрополе «Склонность к обману». Сегмент, репрезентирующий склонного к обману человека, обладает высокой номинативной плотностью и включает в себя микрополя «Лживый» (*свирущий, лгучий, брехало, вракало...* – 17), «Хитрый» (*азурчик, лукавый, лыска, мазуристый, облаза...* – 45), «Льстивый» (*влаза, лабзун, леза, лестливый, ползень...* – 27). В то же время участок микрополя, репрезентирующий правдивого человека, представлен единственной диалектной лексемой *правдушный*. Отсутствие вербализации в языке говоров данного качества человека может отражать представление диалектоносителей о честности и правдивости как о нравственных нормах, не нуждающихся в словесном выражении. Однако образ простоватого человека, жертвы обмана, тщательно разработан в языке говоров. Этот участок поля образует зону пересечения с микрополем характеристики по умственным способностям, репрезентируя бесхитроного, глуповатого человека, которого легко обмануть, обхитрить (*зеворот, каплоух, лабут, лоха...* – 36). Категоричность в негативной оценке как обманщика, так и жертвы обмана подтверждается значительным преобладанием субстантивов в этих зонах микрополя.

Микрополе «Поведение в социуме» (**раздел 3.3**) содержит лексемы, характеризующие человека по его действиям в обществе. Наиболее разработанными в его составе оказываются микрополя «Упрямый» (*артачина, кобень, костыг...* – 42) и «Нарушитель порядка» (*вязга, дерун, дракса...* – 57). Менее разработаны микрополя «Гордый» (*вийный, вьяха, вьеток, гмыра...* – 21) и «Капризный» (*сколуплина, копырза, цыбистый...* – 15). Зону пересечения микрополей образуют лексемы *копырза, купырза*, имеющие в тверских говорах значения 'гордый, чванливый человек', 'шалун, проказник' и 'капризный, несговорчивый, упрямый человек'. В качестве интегральной семы значений полисеманта *копырза* можно выделить «с трудным характером». В микрополях «Упрямый» и «Гордый» отмечена оценочная энантиосемия ядерных лексем. Однако наполнение центральных частей микрополей диалектной лексикой, отрицательно характеризующей упрямого и гордого человека, фиксирует представление диалектоносителей о данных качествах как о безусловном отклонении от нормы. Запечатленный в языке негативный образ упрямого, гордого, капризного человека, доставляющего трудности окружающим, причиняющего беспокойство, нарушающего нормы поведения в коллективе, отражает ценности, связанные с приоритетом общего над личным, коллективного над индивидуальным.

Микрополе «Способный к быстрой адаптации в обществе», не получившее разработки в литературном языке, представлено в тверских говорах 10 лексическими единицами (*выка́лый, нава́дкий, нава́дный, обсе́дчивый, обы́чный, обы́чливый, осе́дчивый, свы́чливый, свóйчатый, привы́тчивый*). Тщательная разработанность данной семантической сферы, а также наличие положительного оценочного компонента в структуре лексических значений прилагательных, характеризующих человека, способного к быстрой социальной адаптации, свидетельствует о важности для носителей диалекта умения легко осваиваться в новой среде, уживаться в человеческом сообществе, вести себя в социуме в соответствии с принятыми нормами и традициями.

Микрополе «Отношение к материальным ценностям» (*раздел 3.4*) включает в себя лексемы, характеризующие человека по его отношению к материальным благам, по склонности приобретать или отдавать материальные ценности. В его составе можно выделить два микрополя низшего порядка: «Склонный получать материальные ценности» и «Склонный отдавать материальные ценности». Зависть, жадность, скупость, чрезмерная бережливость, накопительство – эти качества человека не остаются без внимания в тверских говорах, о чем свидетельствует объем микрополя «Склонный получать материальные ценности» – 59 лексических единиц. Составляющие микрополе лексемы образуют пересекающиеся между собой группы лексем, имеющих значение ‘завистливый’, ‘жадный’, ‘скупой’, ‘бережливый’. В литературном языке понятия жадность и скупость дифференцируются. *Жадный* толкуется как ‘стремящийся взять себе, получить, иметь у себя как можно больше чего-л.’ [МАС 1], а *скупой* – ‘чрезмерно, до жадности бережливый, всячески избегающий расходов, трат (о человеке)’. [МАС 4]. Здесь очевидна разнонаправленность действий скупого и жадного: для жадного человека характерно активное или даже агрессивное стремление получить материальные ценности, а для скупого – стремление сберечь имеющиеся у него ценности. В тверских говорах значения ‘скупой’ и ‘жадный’ чаще не дифференцируются. Лексемы *жом, жома, жмоня*, зафиксированы в значении ‘жадный, скупой человек’ (*Жома – скупой человек, учитель был жома. Жома – значит жадный. Жмоня скупой человек. Жмоня, жмот – это жадный* [Селигер 2]). Также трудно провести четкую границу между завистью и жадностью. Так, жадного, завистливого, нахального, присваивающего чужое имущество человека репрезентируют лексемы *пригра́бчивый* – ‘захватывающий чужое, завистливый’, *похва́тчивый* – ‘броский на чужое’, *нахра́тливый* – ‘завистливый, нахальный’, *забира́оха* – ‘кто много себе присваивает, завистливый’, *хва́тчивый* – ‘имеющий страсть до чужого’. Бережливость и скупость также не всегда поддается четкому разграничению: фонетические варианты *крéпкий* и *крепко́й* функционируют в тверских говорах в значении ‘скупой, бережливый’. Таким образом, зависть, жадность, скупость, бережливость располагаются на одной шкале, характеризуя человека по степени проявления признака – желания обладать материальными благами, и

образуя зоны пересечения, которые могут быть объяснены экстралингвистическими факторами, когда одно и то же качество оценивается диалектоносителями по-разному. Оценочная энантиосемия характерна в тверских говорах для лексем *скупой* и *скудный*. В южных районах Тверской области (Бельский, Оленинский, Нелидовский) прилагательные *скудный* и *скупой* зафиксированы с положительной оценкой, обозначая рачительного, хозяйственного человека (*Скудный – это скупой то есть. Скудным, скупым хорошо быть, правильно. Так и говорят: «Скупость не глупость»* [КГТО]). В других районах (Сандовский, Сонковский) прилагательные *скупой* и *скудный* имеют отрицательную коннотацию (*Скупой, скудный – плохой человек, жадный, ничего никому не даст* [КГТО]). Для ряда номинаций микрополя характерен мотив движения к себе, а также мотив препятствия движения от себя. Глаголы с интегральной семой в значении 'брать' (*брать, хватать, грабить, хапать*) являются лексическими мотиваторами для ряда лексем с прозрачной внутренней формой *приграбчивый, похвátчивый, хвátчивый, прибиру́ха, забира́ха, оха́пистый*. Многочисленные словообразовательные диалектизмы – субстантивы *жмо́тка, жмо́да, жом, жо́ма, жме́ть, жме́тень, жме́тня* и адъективы *приж́имистый, наж́имистый, уж́имчивый* – мотивированы глаголом *жать* (диалектное *жмать*) в значении 'стискивать, сжимать, сдавливать'. Скупой человек, отказывающий в помощи ближним, избегающий трат, издержек, расходов, не дающий займы номинируется лексемами с прозрачной внутренней формой *неда́ха* и *неда́тливый*. Номинации, мотивированные данными глаголами, рисуют портрет завистливого, жадного, скупого человека, который активно совершает действия по сбору, захвату материальных ценностей, прижимает их к себе, не желает дать их другим.

В антонимичном микрополе «Склонный отдавать материальные ценности» (*рахма́нный, размóток, моты́га, разбро́счивый...– 20*) обнаруживается расплывчатость границ между щедростью и бесхозяйственностью, что отражено в энантиосемичных значениях лексемы *рахманный* – 'гостеприимный, хлебосольный' и 'бесхозяйственный, беспечный' (*Парень-то больно рахманный у нее. Что заработает, то и разматает* [ТС]). В зависимости от угла зрения на действия человека, легко отдающего свою собственность, эти действия могут расцениваться как проявление доброты и щедрости или же бесхозяйственности, получая положительную или отрицательную оценку окружающих.

Структуру микрополя «Умственные способности» (**раздел 3.5**) образуют два антонимичных микрополя «Умный» (*востря́к, вы́тный, дотóшный, думный, мозго́ловый...– 28*) и «Глупый» (*глумно́й, глупина, дурносо́п, ду́рый...– 111*), различающихся по объему в четыре раза. Показательно соотношение субстантивов и адъективов в исследуемых микрополях: подавляющее преобладание субстантивов в микрополе «Глупый» (95 субстантивов и 16 адъективов) и противоположное соотношение их в микрополе «Умный» (4 субстантива и 22 адъектива). Микрополе «Умственные способности» образует обширную зону пересечения с микрополем «Отношение к труду», отражая

смысловую близость в народном представлении ума и умения работать (*снорóвительный, снорóвистый, снорóвный*), а также глупости и лени (*заплóшистый, одёр, недолúкий*).

Характеристика человека по его желанию/нежеланию работать, по работоспособности и старательности, по уровню его мастерства и квалификации в деле, по степени занятости и по затрате физических сил рассматривается в **разделе 3.6**. Структуру микрополя «Отношение к труду» составляют асимметричные по объему микрополя «Отрицательное отношение к труду» (*баклу́шник, вáлежень, валю́га, ленгúз...* – 136) и «Положительное отношение к труду» (*варóвый, гоношлúвый, гомыза́, горáздый...* – 36). Лексемам данного микрополя «Отрицательное отношение к труду» свойственна бóльшая категоричность в оценке, что находит выражение в подавляющем преобладании существительных над прилагательными (119 субстантивов, 17 адъективов), в отличие от полярного микрополя «Положительное отношение к труду», в котором преобладают прилагательные (9 субстантивов, 25 адъективов). В ходе семантического анализа выявлены зоны пересечения микрополя «Отношение к труду» с микрополями «Физическое здоровье», «Умственные способности», «Отношение к материальным ценностям», «Отношение к спиртному», «Отношение к противоположному полу», «Особенности моторики». Мотивационный анализ микрополя выявил в качестве основных симметричные мотивы движения и неподвижности для номинаций работающего и ленивого человека соответственно. Таким образом, в языке тверских говоров зафиксировано представление о непосредственной связи способности человека к работе с его физическими и прежде всего динамическими способностями. Ум, энергичность и работоспособность сближаются в диалектной языковой картине мира, а умственные и физические способности человека получают положительную оценку с точки зрения возможности применения их в процессе трудовой деятельности.

В **разделе 3.7** рассматривается микрополе «Эмоциональное состояние» (36). Лексемы, репрезентирующие человека по его эмоциональному состоянию, в тверских говорах немногочисленны. Значениями 'веселый' и 'грустный' обладают полисеманты, образующие зоны пересечения с микрополями «Поведение в социуме», «Физическое здоровье», «Особенности моторики», «Отношение к труду». Наиболее разработанным является участок, включающий лексемы, характеризующие плаксивого человека (*вэньгало, гри́ба, гриба́стый, кислúх, кувя́ка, масля́к, мездра́к...* – 28).

В **разделе 3.8** анализируется имеющее наибольшую номинативную плотность (295 лексических единиц) микрополе «Характеристика по речевой деятельности». Его структуру составляют микрополя «Склонность к общению» и «Особенности речевого поведения». Микрополе «Склонность к общению», в свою очередь, включает в себя два антонимичных микрополя «Любящий общение» (139) и «Не любящий общение» (37). Семантический анализ лексем, наполняющих данные микрополя, показал, что микрополе «Не любящий общение» образуют лексические единицы с отрицательной коннотацией,

содержащие дополнительные семы 'угрюмый', 'суровый', 'скупой', 'домосед', 'скрытный', 'стеснительный'. В микрополе «Любящий общение» входят лексемы как с положительной, так и с отрицательной коннотацией. Общительность, коммуникабельность, разговорчивость человека оценивается положительно, если она не переходит в назойливость, пустую болтовню или передачу сплетен. Наибольшую маркированность в языке получает болтливый человек (*лаларь, лескотун, колокола, лоскобойка...* – 52), сплетник (*колоушник, посёвщик, переводень...* – 33) и назойливый (*звяга, мозольник, скобель...* – 37).

Зоны пересечения микрополей «Любящий общение» и «Склонный к обману», выявленные в ходе семантического анализа, отражают смысловую близость понятий «многословие» и «обман» в представлении носителей традиционной культуры.

В микрополе «Особенности речевого поведения» наибольшим объемом отличаются участки, репрезентирующие красноречивого (14), крикливого (26), ворчливого (13), придирчивого (7), грубого человека (13) и насмешника (15). Исследуемое микрополе отличается высокой степенью детализации, отражая значимость данной семантической сферы в диалектной картине мира. Так, не имеют синонимов в литературном языке диалектные лексемы *обліза* – 'тот, кто много и без передышки говорит', *обрезуха* – 'очень бойкий на язык человек, не дающий никому промолвить слово', *простынища* – 'человек, не умеющий вовремя замолчать', *найдóха, отговóрчивый, отговóрицик/-ца* – 'находчивый на слова человек'; *отковырчивый* – 'после долгой думы находчивый на остроту'; *слабкий* – 'не способный удержаться от задавания вопросов', *карел* – 'тот, кто говорит неправильно или непонятно'; *надоумок* – 'тот, кто напоминает кому-либо о чем-либо'; *прикладчивый* – 'человек, говорящий прибаутками'.

Также значительным объемом обладает микрополе «Особенности моторики» (**раздел 3.9**), структура которого образована антонимичными микрополями «Быстрый/ловкий» (49) и «Медлительный/неловкий» (76). Оценка моторики человека через призму пригодности/непригодности действий для труда подтверждается обширной зоной пересечения данного микрополя с микрополем «Отношение к труду». Подавляющее количество субстантивов среди номинаций, образующих данную зону (*растопи́а, непроё́ка, недолу́кий, коре́па, разва́ра...*), отражает категоричность в осуждении неловкости и медлительности человека, если эти свойства препятствуют качественному выполнению работы.

Пересечение полей «Особенности моторики» и «Умственные способности» отражает смысловую связь в представлении диалектоносителей между двигательной активностью и умственной деятельностью: медлительный и неловкий в действиях человек, скорее всего, будет также медленно соображать. Основным мотивом в номинациях данного микрополя является мотив движения (отсутствия движения). Мотив отсутствия движения реализован в частных мотивах сонливости, мягкости и тяжести.

Микрополе «Отношение к физиологическим потребностям» (**раздел 3.10**) включает в себя микрополя, асимметричные по объему. Наибольшее

количество лексем входит в микрополе «Отношение к еде» – 99 лексических единиц. Количество лексем, составляющих микрополя «Отношение к алкоголю» и «Отношение к противоположному полу» существенно меньше – 24 и 25 лексических единиц соответственно. Наименьшее число лексем содержит микрополе «Отношение ко сну» – 13 лексических единиц (*сонша, з́аспа, з́аспаня...*).

В микрополе «Отношение к еде» наибольшим объемом отличается участок, репрезентирующий человека по количеству потребляемой пищи (*мя́ло, настегáй, нэнасыть...* – 41). Разработанность данного участка поля и подавляющее преобладание субстантивов в нем свидетельствует о ярко выраженной экспрессии в негативной оценке человека, который много ест. В то же время выявлена лакуна в зоне характеристики человека, который ест мало, что может свидетельствовать о том, что отклонением от нормы в сознании диалектоносителей является лишь превышение количества потребляемой пищи. Фиксируется как нарушение нормы пристрастие к лакомствам (б), а также не имеющие языковой маркированности в литературном языке медленный и быстрый прием пищи (*межее́док, лохте́ря, вары́згало...*) и нарушение режима питания (*кусóвник, кусоло́вник...*). Анализ полисемантических связей выявил зоны пересечения микрополя с микрополями «Телосложение», «Особенности моторики», «Моральные качества», «Отношение к труду», «Умственные способности».

В **заключении** подводятся итоги исследования, намечаются его дальнейшие перспективы, в частности, на основе расширения лексико-семантического поля «Человек» за счет включения в него лексических групп, оставшихся за пределами диссертации (глагольной лексики, фразеологических сочетаний), а также проведения контрастивных исследований – рассмотрения особенностей концептуализации представлений о человеке в разных диалектных системах русского языка.

Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных
ВАК Минобрнауки России*

1. Грибовская Н.Ю. Микрополе «упрямый» в диалектной языковой картине мира (на материале тверских говоров) / Н.Ю. Грибовская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – Тверь: ТвГУ, 2017. – № 3. – С. 202–207.
2. Грибовская Н.Ю. Тверская диалектная лексика, характеризующая гордого человека (семантический и мотивационный аспекты) / Н.Ю. Грибовская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – Тверь: ТвГУ, 2018. – № 3. – С. 76–80.
3. Грибовская Н.Ю. Энантисемия в диалектной лексике (на материале тверских говоров) / Н.Ю. Грибовская // Севернорусские говоры. – СПб.: ИЛИ РАН, 2018. – Вып. 17 – С. 205–216.

4. Грибовская Н.Ю. Эстетическая оценка внешности человека в диалектной картине мира (на материале тверских говоров) / Н.Ю. Грибовская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – Тверь : ТвГУ, 2019. – № 3. – С. 87–93.

Статьи в других изданиях

5. Грибовская Н.Ю. Лексика, характеризующая умственные способности человека в говорах Тверской области / Н.Ю. Грибовская // Тверские говоры: итоги и перспективы изучения: сб. науч. тр. к юбилею тверской диалектологической школы. – Тверь : ТвГУ, 2006. – С. 51–58.

6. Грибовская Н.Ю. Лексика, характеризующая человека по отношению к труду, в говорах Тверской области / Н.Ю. Грибовская // Стратегии исследования языковых единиц: материалы Тверской межвузовской научно-практической конференции. – Тверь : ТвГУ, 2006. – С. 69–74.

7. Грибовская Н.Ю. Лексика, характеризующая человека, в говорах Тверской области (на примере лексико-семантической группы существительных «Характеристика человека по отношению к еде») / Н.Ю. Грибовская // Роль русского языка в формировании российского менталитета : материалы международной научной конференции. – Тверь : Научная книга, 2007. – С. 146–150.

8. Грибовская Н.Ю. Человек говорящий как фрагмент языковой картины мира тверского диалектоносителя / Н.Ю. Грибовская // Тверские говоры в прошлом и настоящем : коллективная монография. – Тверь : Тверская усадьба, 2008. – С. 75–98.

9. Грибовская Н.Ю. Языковой образ человека в восприятии тверского диалектоносителя / Н.Ю. Грибовская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – Тверь : ТвГУ, 2008. – № 9. – С. 131–136.

10. Грибовская Н.Ю. Лексика тверских говоров в основе фамилий (диалектные прозвища человека по его отношению к труду) / Н.Ю. Грибовская // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10 – 12 сентября 2014 г.). – Тверь : Изд-во Марины Батасовой, 2014 – С. 200–204.

11. Грибовская Н.Ю. Номинации человека в говорах Тверской области (лексика, характеризующая больного человека) / Н.Ю. Грибовская // Русский язык в современном мире: сб. статей по итогам научно-практической конференции. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2015. – С. 82–86.

Другие публикации

12. Тематический словарь говоров Тверской области / Т.В. Кириллова, Л.Н. Новикова, Т.В. Габлина, Е.В. Николаева, М.Е. Щербакова, Н.Ю. Грибовская ; под ред. Т.В. Кирилловой. – Вып. 4. – Тверь : Золотая буква, 2005. – С. 31–62.